

Глава 4. Тайное пространство

Вилла, где обосновались трое братьев Цинь, располагалась в тихом, невысоком жилом комплексе, в некотором отдалении от городского центра. Цинь Фэйго в своё время выбрал это место именно за редкое сочетание уединённости и доступности: до ближайшего торгового квартала было меньше получаса езды. Тишина и покой идеально подходили младшему брату для восстановления сил, поэтому Фэйго, не раздумывая, выложил за дом круглую сумму.

Кто бы мог подумать, что всё изменится так внезапно? В позапрошлом году, сразу после праздника Весны, Фэйго вместе со вторым братом, Цинь Ханьхуэем, уехал в родные края — почтить память предков и поучаствовать в паре встреч по поиску корней. А когда они вернулись, их ждало потрясение: младший, который с самого детства страдал аутизмом, почти не вступал в контакт с миром и изъяснялся лишь путаными жестами, не просто вышел из дома, но и прошёл кастинг на роль в кино.

Для Цинь Фэйго эта новость прозвучала как гром среди ясного неба.

Он молил богов лишь о том, чтобы брат научился просто и понятно говорить, а тот замахнулся на актёрство. В шоу-бизнесе, как известно, на каждом шагу встречаются краснобаи и интриганы, а умение владеть словом — базовый навык для любого артиста.

Конечно, Цинь Бао был невероятно хорош собой. Он унаследовал лучшие черты обоих родителей: брови и переносица — отцовские, глаза и губы — от матери. У самой госпожи Цинь носик был аккуратным, чуть вздёрнутым и очень изящным. Старшие братья, Фэйго и Ханьхуэй, оба пошли в неё, из-за чего их черты отдавали женственной мягкостью. Если бы не годы на посту президентов компаний, наложившие на них отпечаток суровости, подчинённые вряд ли испытывали бы перед ними священный трепет при первой встрече.

Цинь Бао же досталась отцовская стать: прямой, точёный нос, безупречный разлёт бровей — настоящий благородный юноша, чей образ не имел бы равных в подлунном мире. Глядя на красавца-брата дома, Цинь Фэйго давно приобрёл иммунитет ко всем прочим искателям его расположения. Младший к тому же вымахал выше всех — метр восемьдесят два, на полголовы выше самого Фэйго. Цинь Ханьхуэй, правда, свято верил, что они со старшим просто «недоели» в те времена, когда семья ещё только вставала на ноги.

Так уж повелось с самого детства: старшие всегда отдавали Бао всё самое лучшее.

Даже имена их — Фэйго и Ханьхуэй — звучали весомо и величественно, и только третьему дали это нежное, ласковое «Бао», подчеркивая, как сильно семья дорожит своим «сокровищем».

А всё потому, что Цинь Бао родился тихим. Крошечный, сморщенный комочек, даже кричал он слабее обычных младенцев. Тогда родители не находили себе места от тревоги: всем известно, что громкий плач — главный признак здоровья новорождённого. К счастью, обследования не выявили патологий, но до трёх лет мальчик болел постоянно — то одно, то другое. Выходили и вырастили его с огромным трудом.

Переехав учиться в Пекин, Фэйго заметил, что младший привязан к нему больше всех. Бао почти не говорил, но когда старший возвращался домой, он всегда хлопал его по руке или даже доверчиво обнимал за локоть. От таких моментов сердце сурового и холодного в делах Фэйго просто таяло.

Мир аутиста ограничен, и в этом тесном пространстве он полагался на брата. Позже, когда второй брат, Ханьхуэй, встал на ноги, он принялся заваливать Бао всевозможными техническими новинками, пытаясь «перекупить» его любовь и пошатнуть авторитет Фэйго.

Старший лишь презрительно фыркал: все эти гаджеты Ханьхуэй всё равно брал в его же компаниях.

Словом, братья были готовы отдать Цинь Бао луну с неба. Пока он был замкнут в себе, их возможности помочь были скудны, что несказанно их угнетало. И когда Бао решил податься в актёры, братья, несмотря на все опасения, обрадовались. Цинь Фэйго, этот «ледяной король» бизнеса, едва не прослезился от отцовской гордости.

Ради того, чтобы Бао заговорил и нашёл себе дело по душе, он щедро раздал шестизначные премии слугам, присматривавшим за домом в отсутствие хозяев. Служить в семье Цинь означало две вещи: уметь держать язык за зубами и иметь доброе сердце.

До сих пор многие гадали, как поднялась эта семья, но ни одной стоящей сплетни раскопать не удавалось. О том, что Цинь Бао страдал аутизмом, а у братьев полно бедных родственников в провинции, пресса так и не узнала — копать под Цинь было делом безнадёжным.

Почти в полночь в дверь позвонили. Открыв, Фэйго встретил второго брата с суровостью, припасённой для злейших врагов, но едва за спиной Ханьхуэя показался Бао, лицо старшего озарилось нежностью. Он шагнул вперёд и крепко, по-братски обнял младшего.

Ханьхуэй не удержался и закатил глаза, но всё же подхватил чемодан Бао, чтобы отнести его в комнату.

— Если бы ещё немного задержались, целебный отвар из чёрной курицы с финиками совсем бы остыл, — заворчал Фэйго. — Я купил тебе мазь от ожогов, сначала обрабатываем руку, потом будешь пить. А завтра я попрошу дядю Хэ заглянуть.

Дядя Хэ был старым семейным врачом. Он дружил с наставником, у которого Фэйго учился разбираться в антиквариате, и именно он когда-то нашёл для Бао лучших специалистов.

Увидев на журнальном столике целую гору тюбиков, Бао, хоть и привык к чрезмерной опеке, едва заметно усмехнулся. Он потёр лоб, подбирая слова.

— Брат, это просто маленький волдырь, я его уже смазал. Не звони дяде Хэ, не стоит беспокоить старика. Завтра у меня съёмки рекламы, его приход будет некстати. Посмотри, волдырь уже подсох, скоро заживёт. Ты же помнишь, когда я в прошлый раз порезал ногу, шрам затянулся бесследно. У меня кожа хорошо заживает, не нужно устраивать переполох.

Бао протянул руку, показывая ожог — на вид он казался страшнее, чем был на самом деле.

Фэйго нахмурился:

— Кто в этом доме главный, я не понял?

Ханьхуэй, спустившийся из комнаты, как раз застал этот момент. Он небрежно поправил запонки и закатал рукава, обнажая крепкие, мускулистые руки.

— Конечно ты, старший брат, ты главный. Но не приставай к мелкому, он ещё неразумный.

— Оба вы неразумные. Иди давай, неси суп.

Ханьхуэй, получив нагоняй ни за что, даже не поморщился. Напротив, такая семейная перепалка была ему в радость. Пока Бао не было, дом казался мертвенно тихим, а теперь Фэйго было на кого переключить свою неуёмную энергию.

В отсутствие женщины старший брат превратился в ворчливую «хозяйку дома». Ханьхуэй порой диву давался — когда же найдётся та смелая женщина, что приберёт Фэйго к рукам? Впрочем, стоило вспомнить его ледяную мину на людях, и вопросы отпадали — мало кто рискнул бы подойти к такому айсбергу.

Раньше бывало, что женщины западали на него. Одна секретарша, проработавшая с ним два года, на Рождество в командировке устроила настоящий романтический ужин с вином и цветами. Она надеялась на взаимность, ведь босс всегда был к ней благосклонен. Увы, даже такую красавицу он отверг. История не получила огласки, но девушка, будучи выпускницей престижного вуза, через месяц уволилась и ушла к конкурентам. Фэйго на прощание подарил ей машину, и на этом инцидент был исчерпан.

Позже Ханьхуэй заглядывал в офис брата и слышал, как сотрудники за глаза называют Фэйго «ходячим диэлектриком».

Ханьхуэй же, в отличие от братьев, менял подружек как перчатки, всю жизнь наслаждаясь благами высшего общества. Зачем говорить «нет» удовольствиям, когда всё достигнуто честным трудом? «Лови момент» — такова была философия второго молодого господина Цинь.

Однако сейчас он послушно принёс Бао миску с супом.

— Пей давай. Совсем исхудал.

Бао выдал многозначительную горькую усмешку: как можно исхудать, отсутствуя дома всего сутки? Он послушно выпил полную чашу «братской любви», чувствуя, как на глазах наворачиваются слёзы.

Вернувшись к себе, Бао обнаружил на столе подарки. Он не удивился, но изобразил искреннюю радость. С тех пор как он попал в эту семью, жизнь его превратилась в бесконечный праздник, от которого поначалу даже кружилась голова. Ведь в той жизни, когда его звали Ли Мин, дни были невыносимо горькими.

Возможно, за те страдания судьба решила вознаградить его сейчас, подарив настоящую семью. Бао был бесконечно благодарен за каждый день и поклялся не растратить эту жизнь впустую. Просто проедать семейные деньги — значило бы плюнуть в лицо самой судьбе.

На столе лежали часы, купленные Ханьхуэем. Бао примерил их. Бренд «Мун» всегда славился среди столичной золотой молодёжи своим сдержанным, но статусным дизайном. У зрелых и успешных мужчин выбор был шире: сейчас верхом стиля считалась модель от «Блэк» с циферблатом, имитирующим изгиб тетины и россыпь звёзд.

На обложке модного журнала, лежавшего сверху, как раз красовалась реклама этих часов.

Бао замер, глядя на отретушированный снимок. Он осторожно коснулся пальцами волевого лица мужчины на фото и тут же, словно ошпаренный, отдернул руку.

Приняв душ, он достал свой старый дневник. Записывать события дня стало ритуалом. Это был увесистый том с массивным замком, но замок этот был непростым.

В его скважине таилось нечто, принадлежавшее только Цинь Бао. Его личное, сокровенное пространство.

Бао сосредоточился. «Пусти меня внутрь» — пронеслась мысль. И тут же пространство вокруг него мягко раздвинулось, открывая пятое измерение, в которое он шагнул без колебаний.

Внутри была комната, в полтора раза больше его спальни. Стены от пола до потолка были заклеены огромными плакатами с изображением одного и того же мужчины. На полу громоздились стопки журналов с его интервью, а в центре стояла сложная система — нечто среднее между компьютером и футуристическим устройством, где на экране мерцал и менял форму радужный гексаэдр.

Бао кликнул мышкой. На рабочем столе красовалось то же лицо. Мужчина держал белую розу,

почти коснувшись губами лепестков — казалось, он вот-вот коснётся их поцелуем или, наоборот, отстранится в холодном безразличии.

Бао на мгновение засмотрелся, забывшись, а затем открыл папку «Рекламные ролики». Там, рассортированные по годам, хранились все видео с участием этого человека.

Завтра ему предстояли съёмки рекламы смартфона. Бао быстро пробежал глазами по списку файлов. Внезапно он замер и слабо улыбнулся.

Четыре года назад Вэнь Жунси тоже рекламировал смартфон этого бренда — только другую модель.

<http://bllate.org/book/17537/1700700>